

29. А. И. Моисеева — Моисеева Антонина Ивановна, 1920 г. р., д. Петраково, Муромский р-н. ЦРФ-Э-1073.

30. Е. А. Моисеева — Моисеева Елена Алексеевна, 1923 г. р., уроженка д. Митрофаново, в настоящее время проживает в д. Митрофаново, Селивановский р-н. АЦРФЭ-2009. 33-12-А-09.

31. Г. И. Никитина — Никитина Галина Ивановна, 1931 г. р., уроженка с. Соронец, с 1940 г. проживает в с. Ильинском, с 1957 г. — в д. Большое Григорово. АЦРФЭ-2009. 33-12-А-21.

32. Г. М. Пикина — Пикина Галина Михайловна, 1925 г. р., уроженка с. Карачарова, Муромский р-он, с 1954 г. проживает в п. Красная Горбатка, Селивановский р-н. АЦРФЭ-2007. 33-12-А-3.

33. Н. С. Рогожина — Рогожина Нина Сергеевна, 1936 г. р., д. Чулково, Гороховецкий р-н. ЦРФ-1021.

34. К. М. Рогоськина — Рогоськина Клавдия Матвеевна, 1929 г. р., д. Степаньково, Муромский р-н. ЦРФ-Э-1079.

35. Н. П. Рожкова — Рожкова Нина Петровна, 1923 г. р., с. Кавардицы, Муромский р-н. ЦРФ-Э-1224.

36. Е. И. Самоилова — Самоилова Екатерина Ивановна, 1925 г. р., уроженка с. Булатникова, Муромский р-н, с 40-х гг. проживает в д. Переложниково, Селивановский р-н. АЦРФЭ-2007. 33-12-А-13.

37. З. В. Святова — Святова Зинаида Васильевна, 1931 г. р., д. Петраково, Муромский р-н. ЦРФ-Э-1076.

38. В. А. Серова — Серова Валентина Александровна, 1941 г. р., д. Курково, Селивановский р-н. АЦРФЭ-2007. 33-12-А-12.

39. Л. С. Сорокина — Сорокина Лидия Сергеевна, 1939 г. р., с. Панфилово, Муромский р-н. ЦРФ-Э-1136.

40. А. И. Шубина — Шубина Анна Ивановна, 1918 г. р., д. Пестерькино, Муромский р-н. ЦРФ-Э-1239.

Summary. *The paper deals with traditional prohibitions and prescriptions regulating the usage of hand-written collections of texts of the religious and magic content as well as the usage of songbooks. Some norms and rules of calendar character as well as prescriptions connected with age, social and physiological status of a person are treated. The conclusion is that the norming rules for treating hand-written writing-books have emerged during late XIXth — early XXth centuries and are still in active usage though in partially transformed state.*

Key words: *folklore studies, cultural anthropology, superstitions, prohibitions and prescriptions, traditional rules and norms.*

С. В. ПРОСИНА
(Москва)

НАДПИСИ НА ТРАДИЦИОННЫХ ПОЛОТЕНЦАХ XIX — первой половины XX в.

Аннотация. *В статье рассматривается бытование надписей на традиционных полотенцах XIX — первой половины XX в. Уникальность этого явления состоит в том, что в народных вышивках текст употреблялся и как информационная система, и как элемент декоративного оформления этого текстильного предмета. Вышитый текст как зрительный образ слова заменял традиционный орнамент и наделял полотенце особым сакральным смыслом.*

Ключевые слова: *вышитый текст, традиционный орнамент, лицевое шитье, композиция вышивки.*

Традиция оформлять текстильные изделия надписями была широко распространена во многих регионах России. Наряду с орнаментами вышитые слова являлись важной составляющей декоративного убранства лицевого шитья еще в XVI—XVII вв. [Маслова 1978, 26]. В данной работе мы обозначим основные направления использования текста в вышивке традиционных русских полотенцев XIX — первой половины XX в.

Многие исследователи, занимавшиеся изучением вышивальных традиций, отмечали вкрапление текста в основной орнамент в качестве декоративного или информационного дополнения¹ (чаще всего это указание имени мастерицы или хозяйки предмета, даты, название населенного пункта). В этом качестве надписи появляются на полотенцах в середине XIX в. и с разной интенсивностью бытуют на них до 70-х гг. XX в., другими словами ровно до того момента, когда в деревне происходит угасание традиционной ручной вышивки как ремесла, а сфера применения полотене-

¹ См. работы разных лет В. Я. Яковлевой, Н. П. Работновой, Н. А. Поповой, И. Я. Богуславской, Г. С. Масловой, Е. Э. Бломквист, С. П. Шаховской, Н. П. Гринковой и др.

нец в быту значительно сужается. И. Я. Богуславская и Г. С. Маслова связывают период возникновения надписей на полотенцах с повышением грамотности в деревне, с проникновением печатной продукции, ориентированной на народный вкус. Однако вышивальщицы не всегда были грамотны, о чем свидетельствуют грамматические и орфографические ошибки, повторяющиеся в наиболее популярных, практически клишированных текстах. На наш взгляд, неграмотные мастерицы воспринимали текст как часть орнамента или же просто считали обязательным присутствие текста на своей работе, поэтому с абсолютной точностью воспроизводили его неправильное написание². Это происходило в силу того, что в данный период присутствие текста стало неотъемлемой частью и даже, можно сказать, модной тенденцией орнаментального убранства текстильных изделий. Важным становилось само присутствие текста как такового: «В Октябрьском районе женщина в качестве буквенного образца использовала, по-видимому, пачку чая и выткала девять раз слова “ЦЕЙЛОНСКИЙ ЧАЙ”» [Черных 2003, 45]. В XIX в. сакральное значение орнамента постепенно утрачивается, в связи с этим меняются изобразительные орнаментальные приемы, возникает необходимость некоторой расшифровки или трактовки изображаемого. Кроме того, известно, что украшенные ручной вышивкой полотенца являлись популярным ярмарочным товаром, в этом случае надпись могла служить и своеобразной рекламой мастерицы. В таких случаях неграмотные вышивальщицы обращались к грамотным помощникам, тогда надпись была правильной и более развернутой, например: «1866 Г. ПИСАЛ МАТФЕЙ НИКОЛАЕВ БЫКОВ ИРИНЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ ТРЕТЬЯКОВОЙ ШИЛА УЛЬЯНА АНДРЕЕВНА ЧЕРЕПАНОВА» [Маслова 1978, 28].

В XIX в. ручная вышивка тамбуром и крестом постепенно вытесняет ткачество из обихода деревни, она становится модным, очень популярным способом украшения всевозможных текстильных

предметов, в том числе и полотенца³. Чаще всего в сочетании именно с этими художественными техниками в орнаменте полотенца появляется текст, он становится знаком некоей особенности предмета, выделяя его таким образом из остальной массы полотенца, применявшихся в обиходе. Следует отметить, что характер надписей, их назначение различались в зависимости от назначения полотенца. В свою очередь именно текст, вышитый на полотенце, диктовал то или иное его применение. Спецификой этих текстов является то, что вышитые (написанные) на полотенцах, они продолжали оставаться частью устной народной разговорной речи. Это лишает полотенца некоей сакральности, которой всегда наделялся этот предмет в народной культуре, делает его более светским и «общечитаемым». В то же время можно увидеть, что вплоть до середины XX в. эстетическая составляющая оформления полотенца остается весьма традиционной: композиция вышивки по-прежнему имеет ярусный трехчастный характер, порядок заполнения ярусов теми или иными мотивами практически не меняется.

Показательным примером использования текста может служить украшение полотенца, входящих в состав приданого. В этом случае на полотенце вышивались буквенные инициалы. Этот обычай был заимствован из городского рукоделия⁴ и в XIX в. стал в деревне чрезвычайно модным. Интересно, что такие буквенные обозначения могли иметь различное толкование. Известно, что приданое чаще всего готовила сама невеста. Учитывая тот факт, что часто только приданое и могло быть ее личной собственностью в будущей семье, она стремилась каким-либо образом пометить свои вещи, в том числе и полотенца⁵. Для этой цели прекрасно подходили инициалы, вышитые скорописью или при помощи печатных схем

³ Благодаря своей меньшей трудоемкости ручная вышивка быстро завоевывает популярность в народной среде, становится чрезвычайно модной декоративной отделкой текстиля.

⁴ Вспомним вышивание инициалов на платочках, постельном белье, сорочках и т. д.

⁵ Это было особенно необходимо в случае совместного проживания нескольких невесток в одном доме.

² В пользу этого факта говорит и то, что иногда надпись не соответствовала содержанию изображения.

для вышивания (к которым с середины XIX в. обязательно прилагались и шрифты): «КБ», «АА», «МФ» и т. д. Мы не можем с уверенностью толковать значение этих букв, однако во Владимирской области две заглавные буквы чаще обозначали имя и отчество невесты, так как фамилию она меняла⁶, и с помощью фамилии часто было невозможно идентифицировать владелицу полотенца⁷. Орнаментика полотенца могла быть абсолютно идентичной (согласно тем или иным принятым региональным традициям), и только буквы содержали информацию о владелице. Если невесте ее родственницы дарили полотенца, они автоматически попадали в состав приданого и одновременно являлись предметом одаривания. В таком случае указывались иные инициалы, они могли быть проставлены в качестве подписи дарителя на одном из концов полотенца и также обозначались двумя заглавными буквами. В других случаях на одном конце полотенца могли быть вышиты инициалы адресата (невесты), а на другом конце инициалы дарителя, например «ГВ — ГН». Во всех случаях буквенные инициалы располагались над орнаментальной частью полотенца, как правило, они вышивались в той же технике (что характерно в первую очередь для вышивок тамбуром, крестом), но иногда техники орнаментальной части полотенца и инициалы различались (например, орнаментальная часть могла быть вышита настилом, а инициалы крестом). Чаще всего буквы должны были служить своеобразными указателями, поэтому их вышивали более мелкими, чем весь остальной орнамент. Но в некоторых случаях, особенно на полотенцах с фактурным тканьем (ремизным, например), когда само полотно

⁶ Эти сведения получены в результате многочисленных научных экспедиций ГРЦРФ в разные районы Владимирской области в период с 1998 по 2010 г.

⁷ Вспомним, что в одном доме могли проживать несколько невесток, и их фамилии становились одинаковыми, а прежние девичьи фамилии не вышивались, так как считалось, что после замужества девушки с ее девичьей фамилией уже не существует, она как бы умерла. Готовя себе приданое, своей будущей фамилии после замужества она не знала, а имя и отчество оставались с ней на протяжении всей жизни.

уже имеет некоторый узор, буквенные инициалы вышивались очень большими и служили единственным вышитым декором.

Как уже отмечалось нами выше, полотенца являлись одним из традиционных предметов дарения. Диапазон случаев одаривания чрезвычайно широк, остановимся лишь на основных примерах. В основном полотенца изготавливались девушками или женщинами⁸, поэтому они и являлись дарителями. Полотенце со словами могло быть подарком «со значением», т. е. предметом, заявляющим об особом отношении девушки к парню⁹. Текст играл роль некоего посредника, он как бы говорил от имени дарительницы. Важность текста подчеркивалась тем, что он являлся необходимым декоративным наполнением изделия, а орнамент становился дополнением к тексту, заполняя оставшееся пространство¹⁰. На таких полотенцах вышивался только растительный орнамент, причем интересно то, что он мог быть и в виде древа, и в виде венка, и в виде букета, и в виде гирлянды, что свидетельствует о его второстепенной роли: сам орнамент уже не являлся изобразительным посланием и мастерицей уже никак не трактовался¹¹. Именно среди текстов для подобных полотенца возникли некоторые клише, ставшие общими повсеместно: «КОГО ЛЮБЛЮ ТОГО ДАРИЮ», «ЛЮБИ МЕНЯ КАК Я ТЕБЯ»¹², «ЛЮБЛЮ СЕРДЕЧНО ДАРИЮ НАВЕЧНО», «НА ДОЛГУЮ ПАМЯТЬ» и др. По нашему мнению, в таком случае мастерица применяла текст в заклинательном значении, она как бы прописывала то желание, которое хотела воплотить, что более

⁸ Иногда ручной вышивкой занимались и мужчины, но это скорее редкое исключение из общего правила.

⁹ Таких предметов было много: кроме полотенца девушки дарили пояса, кисеты, рубашки.

¹⁰ На таких полотенцах текст «написан» крупными печатными буквами, а орнамент мелкий, композиционно раздробленный, иногда вставленный лишь в те места, где осталось свободное место.

¹¹ По сведениям информантов, в орнаменте на первый план выходит его эстетическая функция.

¹² Эти и подобные тексты чаще всего применялись именно на текстильных изделиях.

характерно для заговорной практики. В полотенцах зрительный образ слова через вышивание¹³ наполнялся сакральным значением¹⁴. Иногда текст был написан практически одними начальными буквами, но его информативность или сила воздействия не уменьшались, так как слова все равно считались целыми. Например, вышивка скорописью на смоленском полотенце: «Полотец ПоР Дт Перф Кого люблю Том Дар Се»¹⁵. Заклинательные формулы «люби меня, как я тебя», «кого люблю, того дарю» очень часто сопровождали и другие подписи, как бы закрепляя их¹⁶. Встречаются и надписи-просьбы или, скорее, указания к действию, с выполнением некоторых условий, которые должны заявить о том или ином проявлении чувств одариваемого парня. В таком случае текст диктует те или иные манипуляции с этим предметом. Например, на концах полотенца из Смоленской губернии красными и серыми нитками вышиты заглавные буквы «Н» в венках из мелких маков, а под ними надпись, переходящая с одного конца полотенца на другой: «ЕСЛИ ЛЮБИШ УВОТРИСЬ. А НЕ ЛЮБИШ АТКАЖ»¹⁷ (очевидно, надпись должна была гласить: «если любишь, оботришь, а не любишь — откажись»), на олонекском полотенце: «НАШУ СКЛОНОС ПРЕДЛАГАЕМ ВАШУ ЧЕСТНОС УВАЖАЕМ И ЕГО С ПОЧТЕНИЕМ ВАМ ВРУЧАЕМ» [Маслова 1978, 28]. Иногда утилитарность подаренного полотенца также прописывалась в его назидательно-благожелательной подписи. На тамбовском полотенце надпись расположена на обоих концах полотенца (с переходом текста с одного конца полотенца на другой): «УМЫВАЙСЯ БЕЛЕНЬКО УТИРАЙСЯ СУХОНЬКО» [Там же]; на вятском полотенце: «УМЫВАЙСЯ НА ЗДОРОВЬЯ УТИРАЙСЯ НА КРА-

¹³ Следует вспомнить о ритуальном значении нити и в данном случае о вышивании как об одной из распространенных ритуальных практик оформления предмета.

¹⁴ О сакральном значении написанного текста см. например, в статье А. Б. Ипполитовой, Д. В. Громова в этом разделе.

¹⁵ Это полотенце было зафиксировано автором в коллекции детского туристско-краеведческого клуба «Гамаюн», г. Смоленск.

¹⁶ Наличие закрепляющих слов (замкб) характерно для текстов заговоров.

¹⁷ См. сноску 15.

СОТУ» [Сафонова 1994, 74]. Полотенца дарились и по каким-то особенным датам, например к именинам, или же являлись благодарственным подарком. Они выполняли функцию современной поздравительной открытки: «В ЗНАК БЛАГОДАРНОСТИ», «КОМУ ЧЕСТЬ ТОМУ И СЛАВА», «ДарьюНаДеньАнгела», «БО ЛЮБЛЮ И УВАЖАЮ НЕ ОСУДИТЕ ДОБРЫ ЛЮДИ» и др. На полотенцах южнорусских регионов иногда встречались надписи на суржике.

Полотенце, помимо эстетической и утилитарной, выполняло и бережную функцию¹⁸, в том случае, если оно изготавливалось и украшалось как обыденный предмет. Обыденные текстильные предметы¹⁹, в том числе и полотенца, были известны повсеместно вплоть до середины XX в. Эти предметы считались безупречно чистыми, обладавшими силой сопротивления или являлись защитой от «нечистой силы» [Зеленин 1911, 1—20; Гаген-Торн 1963, 281—82]. Иногда они функционировали как оберег именно благодаря вышитому на них тексту, о чем свидетельствуют сведения, полученные от информантов разных районов Владимирской области: «*Вот ране полотенца там вышивали, платок. В подарок. Бывало, такие особые были, со словами. Там, “Кого люблю — томударю”, “На добрую память” и “Помни меня, как я тебя”. Такие вот дарили, если вот на войну уходили. Тут дарили. Говорят, если слова вышила, — от смерти это. Слова они от смерти такие*» (М. И. Алексеева, 1920 г. р., с. Непейцыно, Судогодский р-н. ЦРФ-467); «*Когда на фронт отец уходил, мама одной ночью ему полотенце вышила, простенькое такое, ну холстина была, а вот вышила ночью. “Дарю тому, кого люблю”. И вот ему дала. Говорят, если слова с собой, на чем таком вышиты или там написаны, носишь, то ничего не случится. Вот ведь и молитвы с собой носили. И вот папа с этим полотенцем вернулся, оно с ним завсегда было*»

¹⁸ Об этом см. статью В. Е. Добровольской в этом разделе.

¹⁹ Предмет, изготовленный для дальнейшего ритуального использования в соответствии со многими социальными (старая дева или девушка), поведенческими установками (пение или молчание), а также временными ограничениями изготовления (ночь, сутки, день) и его способами (на «живую» нитку, левой рукой и др.).

(А. С. Егунова, 1918 г. р., д. Куприяново, Гороховецкий р-н. ЦРФ-1032); *«Говорят, что вернулись только те с войны, у кого слова были. Вот жены или там невесты вышили им платок там или полотенце. Не цветы, а слова какие, ну там «Храни тебя любовь моя», «Тому дарю — кого люблю». Вот у кого было, те вернулись. Еще у кого молитовки написаны были, а уж остальные вот погибли. Если слово видно, ну там его вышили, или вот бывает вывяжут в кружево, или там написали, то оно хранит»* (Т. П. Ивлева, 1935 г. р., д. Петраково, Муромский р-н. ЦРФ-Э-1074). Из приведенных примеров видно, что полотенца, снабженные текстом, являлись обыденными или приравнялись к ним. Интересно проследить, что надписи, ранее приведенные нами в качестве своего рода любовных посланий, приворотов, со сменой ситуации становились осторожными, охранявшими жизнь человека. Сам предмет из объекта дарения превращался в ритуальный, и обращение с ним уже в этом качестве подлежало строгой регламентации. Стоит отметить особую роль текста на подобных полотенцах, ведь именно его присутствие оберегало владельца. Те же традиции были распространены во многих губерниях, например в Черниговской.

Полотенца широко применялись также на разных этапах похоронного обряда. Так, в некоторых южнорусских губерниях полотенце стелили под голову покойнику или просто клали в гроб. В Смоленской губернии на таких полотенцах вышивали каноническое символическое изображение горы Голгофы, дополняя его текстом на старославянском языке.

Надписями украшались изображения всевозможных бытовых сцен, которые появились в вышивке текстильных предметов еще во второй половине XVIII в. Эти сюжеты отражали обстановку, отчасти костюмы того времени. В первой половине XIX в. под влиянием гравюр, литографий, лубочных картинок интерес к реалистичным сюжетам возрос, а во второй половине XIX — начале XX в. бытовые сюжеты занимали значительное место, однако распространялись неравномерно (в земледельческом крестьянстве гораздо

медленнее, чем в той среде, где вышивка являлась ремеслом или промыслом). Такие мотивы вышивались строчкой, тамбуром, крестом, гладью. Из множества лубочных картинок народные мастерицы выбирали либо те, которые были интересны, необычны своей диковиной, либо те, которые были близки обычным сюжетам народной жизни и имели уже свое отражение в вышивке. К диковинкам можно отнести вышивки с сюжетами о птицах-девах — Сирине и Алконосте. В Остновом эти вышивки относились к Костромской, Олонецкой губерниям. Вышивались они тамбуром и также сопровождалась текстами разной полноты. Примером могут служить тексты, скопированные с известного лубка: здесь вышивка довольно точно передает и рисунок и содержание подписи, которая гласит «СИЕ РАЙСКАЯ ПТИЦА НАЗЫВАЕМАЯ СИРИН» [Маслова 1978, 28] или «ЕТО ПТИЦА АЛКОНОСТЬ, А ЕТО ИНДЕЙСКИЙ ПЕТУХ» [Богуславская 1972, 20], а иногда текст более развернут: «ПТИЦА РАЙСКАЯ ЗОВОМАЯ СИРИНЬ ГЛАС ЕЯ ВЪ ПЕНИИ ЗЕЛО СИЛЕНЬ. НА ВОСТОЦЕ В ЭДЕМСКОМЪ РАЮ ПРЕБЫВАЕТ И ВСЕГДА ПЕНИЕ ВОСПЕВАЕТЬ» [Там же]. Интересна еще одна вышивка на костромском полотенце, где надпись представляет собой своеобразный рассказ. На концах этого полотенца вышиты корзины, в которых растут пышные кусты с птицами на ветках. Текст расположен сверху, внизу, среди ветвей и по фону, он частично повторяется на обоих концах: «КАКЪ У КРАСНЕЪЫХЪ ВОРОТЬ ЕСЪ НАЛЕВО ПР ОТЪ ЕСЪ НАЛЕВО ПОВОРОТЬ ТУЛЕ. ЗРИ СМОРОЙ ОЧИМА ВНИМАЙ РАЗУМНО ШМГП МАСТЕРЬ ХУДОЖНИКЪ ГЕРЬЦОВЪ. РАЗВЕСИСТЫЙ ТОПОЛЬ. ЗРИ СМОРОЙ ОЧИМА ВНИМАЙ РАЗУМНО. ЗОЛОТАЯ ПТАШЕЧКА СЕЛА НА РАКИТОВ КУСЪТЬ. ВОЛНАЯ ЗАЛЕТНАЯ ИЗДАЛЕКА ЛИ МИЛАЯ К НАШЕМУ МИСКОВУ. РАЗВЕСИСТЫЙ ТОПОЛЬ» [Богуславская 1972, 21]. И. Я. Богуславская пишет о возможном авторстве вышивки указанного мастера, однако, на наш взгляд, этот рисунок мог быть заимствован из росписи домашней утвари или мебели или же лубочной картинки, тогда упоминание о себе как о художнике

более логично. Отсылка к с. Мисково Костромской губернии дает нам возможность убедиться, что в этом месте проводились ярмарки, а следовательно, было большое хождение всевозможных товаров, поэтому заимствование не исключается.

Иногда для сюжетной композиции полотенца применялся скопированный фрагмент сюжетной вышивки подзора (это могли быть галантные сцены, архитектурное сооружение, чаще всего церковь²⁰, и т. п.). Центральным мотивом такой сюжетной вышивки являлся человек или группа людей — дамы, солдаты, а часто танцующие пары. Подобные сюжеты также сопровождалась надписью лубочного характера, как бы объясняющей или комментирующей происходящее на изображении, например: «ПЛЯШИТ ВАРЮШКА НА МОЕЙ ПИРУШКИ»²¹. Чаще всего образы были обобщенными, однако бывали и исключения. В вышивке полотенца из Костромской губернии, выполненной цветным гарусом тамбурным швом и гладью, изображено гулянье дам и кавалеров. Подпись гласит: «ЕТО ГУЛЯНКА В ЕКАТИНГОФСКОМ САДУ 15 МАЯ. ГРАФ МУРАД И СУПРУГА ЕГО» [Богуславская 1972, 16]. Вышивальщица весьма точно подметила и костюм, и аксессуары привилегированного класса, а гуляние в парке, названное ею «гулянка», ясно отражает иронию и насмешку над непривычным внешним видом и манерой проводить свое время. Кроме того, популярными сюжетами были сцены выездов господ в карете и обычного люда в крестьянских санях. Здесь можно видеть четкое разделение текстов: в сюжетах про господ употребляются тексты-описания («ЕДЕТ ГРАФИНА ОРЛОВА МАРИЯ АЛЕКСИИВНА» [Маслова 1978, 140]), а в сюжетах с крестьянами можно часто встретить самые распространенные и поэтому понятные всем надписи: строки из песен, пословицы и

²⁰ На полотенце Калужского уезда крестом красными и черными нитками вышита церковь, над которой расположена надпись печатными буквами: «ХРАМЪ ХРИСТА СПАСИТ.» [Сафонова 1994, 74].

²¹ Полотенце с этой надписью было зафиксировано автором в 2004 г. в д. Новое Ратово, Муромский р-н, Владимирской обл.

т. д. (например: «ДЕЛУ ВРЕМЯ ПОТЕХЕ ЧАС»; «ГУЛЯТЬ ГУЛЯЙ ДЕЛО ЗНАЙ»). Постепенно основной темой народных сюжетных вышивок второй половины XIX — начала XX в. становятся сцены будничной крестьянской жизни, а функция текста сводится к их разъяснению. Например, на полотенце из Калужского уезда изображен сюжет, в котором центральное место отведено фигуре мужика, стоящего у запряженной в соху лошади. Рядом с ним вышиты собака, курица, петух, а на втором плане — изба с резными наличниками. Под сюжетом надпись, переходящая с одного конца полотенца на другой: «МУЖИК ПАШЕНЬКУ ПОХАЛЪ СВАЮ И ЛОШАДКУ ПОДГОНЯЛ КО ДВОРУ ПОСПЕШ» [Сафонова 1994, 75]. Еще один излюбленный сюжет из народной жизни — чаепитие. В вышивке он представлен, как правило, изображением нескольких фигур (двух и более), сюжетно связанных между собой. Появляются изображения обстановки — накрытого стола с самоваром (позднее с чайником). При достаточно подробном перечислении предметов или фигур на подобных вышивках их изображение становится максимально условным, а текст, за редким исключением, превращается в своеобразное клише для того или иного сюжета.

На рубеже веков в народной вышивке появляются надписи, относящиеся к тем или иным литературным произведениям, чаще всего в этом качестве фигурировали тексты басен И. А. Крылова. Наиболее популярным, ставшим некоей изобразительной универсалией для разных регионов стал сюжет басни «Ворона и лисица». Все подобные полотенца обобщенно и узнаваемо иллюстрировали сюжет: ворона сидела на дереве, а лисица находилась под деревом. Однако в полотенцах наблюдается и некоторые дополнения к общепринятой картине: в сюжете появляется мужчина с ружьем (в некоторых изображениях еще присутствует собака). Текст, расположенный над или под орнаментальной частью, может относиться к любому фрагменту этой басни, однако он не комментирует изображение дословно, а является простонародным изложением сюжета (надпись переходит с

одного конца полотенца на другой): «У ВОРОНЫ ВРОТУ СЫР ОНА СКАРКАЛА СЫР УПАЛ ИЗ РОТУ ЛИСИЦА И ВОРОНУ САСТАВЛЯЕТ ПИСНЮ. ПИТ. Н.К.Д». Под орнаментальной частью расположена другая надпись — своеобразный комментарий, также переходящий с одного конца полотенца на другой: «ХИТРА. ЛИСА. ТОГО ЖДИ. СЫР СЕЛЬ. УСЕ 1906. СПОЙ. ЦВЕТИК. ПЕСНЮ. НЕСТЫДИС». Кайма обоих концов полотенца оформлена надписью-клише, большими печатными буквами: «КОВО ЛЮБЛЮ ТОВО ДЯРЮ»²².

Таким образом, можно говорить о том, что текстовые надписи на полотенцах отличались богатейшим разнообразием согласно своему назначению. Пройдя путь от буквенных указаний владельца до развернутых фраз и поэтических текстов, они стали проводником устной речи и письменной культуры в декоративно-прикладном искусстве, являлись неотъемлемой частью эстетического наполнения традиционных полотенцев.

Литература

- Маслова 1978 — Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978.
- Зеленин 1911 — Зеленин Д. К. «Обыденные» полотенца и «обыденные» храмы // Живая старина. 1911. № 20. С. 1—20.
- Гаген-Торн 1963 — Гаген-Торн Н. И. Обрядовые полотенца у восточных славян и народов Поволжья (к вопросу о происхождении оберега). Кн. 4. София, 1963.
- Богуславская 1972 — Богуславская И. Я. Русская народная вышивка. М., 1972.
- Черных 2003 — Черных А. В. «Сей поесь следует носить...» // Традиционная культура. 2003. № 3. С. 41—48.

Summary. *In the article the existing of inscriptions on traditional towels XIX — the first half of XX centuries is considered. Uniqueness of this phenomenon consists that in national embroideries the text was used as information system and as an element of decorative registration of this textile thing. The embroidered text as a visual metaphor of a word replaced a traditional ornament and gave a towel with special sacral sense.*

Key words: *the embroidered text, traditional ornament, right side needlework, embroidery composition.*

Д. В. ГРОМОВ
А. Б. ИППОЛИТОВА
(Москва)

КАРТА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕЛАНИЙ, ИЛИ ЗАПИСКИ У СТЕН МОСКОВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Аннотация. *В статье рассматривается стихийный «культ» св. Софьи, возникший возле Напрудной (Софьиной) башни Новодевичьего монастыря в Москве. Паломники оставляют специальные записки Софье с просьбами о помощи и поддержке. Проведен статистический анализ письменных обращений (граффити и записок): возрастной и гендерный состав прихожан, направленность просьб и т. д.*

Ключевые слова: *Стихийный культ, народная религия, городской ландшафт, граффити, магия.*

В современном мире достаточно распространена религиозно-магическая практика, предполагающая обращение человека к некоему персонажу, подающему блага. Такие практики могут быть привязаны к какому-либо объекту городского ландшафта. Обращение к подателю благ происходит не только вербально, через молитвы, но и путем подачи ему записок или нанесения граффити. Один из самых известных примеров такого рода — могила св. Ксении на Смоленском кладбище в Петербурге, почитаемая с 1820-х гг. По крайней мере с 1930-х гг. здесь существовала практика составления записок (см. подробнее: [Топоров 1995; Филичева 2006; Кормина, Штырков 2008]). С начала XX в. существует традиция почитания захоронения Матвея Татомира на Никольском кладбище Александро-Невской лавры; с конца 1990-х гг. здесь появился обычай оставлять записки и наносить на стены склепа граффити [Виноградов, рукопись]. В Москве записки с просьбами можно встретить на Введенском кладбище, в Покровском монастыре у гробницы св. Матроны Московской. Обряд модернизируется с использованием новых технических средств. Так, записки к Матроне стали